

ПОНОМАРЕВ Михаил Викторович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН; профессор кафедры Новой и Новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (119991, Россия, г. Москва, ул. М. Пироговская, 1, стр. 1; mvp2002@list.ru)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА И ЕГО РОЛЬ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В данной статье автор рассматривает роль либерализма как одного из опорных элементов идеологического пространства, утратившего прежде политическое значение, но сохраняющего важность в контексте дискурсивных практик и ценностного самоопределения современного человека и общества. По мнению автора, историческая типология либерализма позволяет не только преодолеть шаблонные представления о его сущности, но и наглядно дистанцировать современный либерализм от предыдущих «либеральных проектов» с характерными для них противоречиями и рисками.

Ключевые слова: идеология, классический либерализм, социальный либерализм, неолиберализм, современный либерализм

Статья подготовлена в рамках темы 124101700545-0 «Ценностное измерение консервативной и либеральной идеологии как фактор трансформации современного политического пространства» при поддержке АНО «Экспертный институт социальных исследований» и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

На протяжении XIX–XX вв. либерализм представлял собой одну из ключевых констант идеологического пространства общества, оказывая влияние на конституционное развитие и политические практики, формирование экономических стратегий, социальную эмансипацию человека и общества, модернизацию педагогических систем, «индустрий культуры» и массмедиа. В XXI столетии его роль уже не столь масштабна, свидетельством чего являются и электоральные тенденции, все меньшая востребованность концепта «либерализм» при позиционировании партийно-политических проектов и локальность либерального мейнстрима в интеллектуальном поле.

В современном российском обществе идеология либерализма не только утрачивает системное политическое значение, но и воспринимается массовым сознанием в весьма негативном ключе. Сказывается крайне болезненное отношение к последствиям «либеральных реформ» 1990-х гг., а также ассоциация либерализма с деструктивными тенденциями, разрушающими ценностное пространство и историко-культурную самобытность общества, несущими опасность для национального суверенитета. При этом мировоззренческая и социальная сущность либерализма зачастую редуцируется к насаждению крайнего индивидуализма («максимизация удовлетворения индивидуальных потребностей, носящих полностью торгуемый характер»), что «угрожает обществу деградацией и самоуничтожением» [Ковалева, Мастеров 2015: 76]. Такие упрощенные оценки не только некорректны в содержательном плане

(как минимум, в силу разнообразия либеральных доктрин), но и несут немалые общественно-политические риски.

Нарочитая демонизация либерализма способствует радикализации идеологического поля консерватизма, смещению его к идеям, нарративам и образам органического корпоративизма (столетие назад это стало одним из факторов формирования идеологии фашизма), а также провоцирует распространение популистских и даже экстремистских настроений в «левом лагере». С другой стороны, искусственное продвижение либерального дискурса с претензией на безусловный императив «общечеловеческих ценностей» и «передового опыта» тех или иных «демократических» стран носит абсолютно контрпродуктивный характер. Следует признать, что значимость либерализма в рамках современного идеологического поля определяется не его конфронтацией с иными идейными доктринами, а включенностью в пространство общественной полемики, социальной рефлексии, гражданского активизма, ценностного самоопределения. Но что представляет собой либерализм в этом качестве?

Даже самый поверхностный анализ научной и общественно-политической периодики, учебных изданий и блогосферы показывает, что либерализм, с одной стороны, очень часто воспринимается сквозь призму шаблонных представлений, не учитывающих историческую эволюцию и внутреннее разнообразие этой идеологической системы, а с другой — интерпретируется в крайне широких границах, выходящих далеко за пределы собственно либеральных идеологов. Отсюда вполне логичный на первый взгляд вывод, что «правильнее описывать [либерализм] не как единую доктрину или мировоззрение, а как совокупность родственных идеологий, своеобразное идеологическое семейство» [Шапиро 1994: 7]. Общим знаменателем такого идеологического конгломерата могут служить ценностные установки, связанные с идеалом свободы и признанием безусловной значимости прав и достоинства человеческой личности, отрицанием любых форм деспотизма и насилия. Однако в этом случае идеологическое своеобразие либерализма оказывается выхолащенным, а его связь с политическими практиками — совершенно неочевидной. Частью либерального «идеологического семейства» становятся разнородные и малосовместимые доктрины — от либертариизма и либерального консерватизма до либерального феминизма, пацифизма, коммунитаризма, постанархизма. В особой степени характерна подмена понятий, связанная с восприятием современного либерализма сквозь призму либертарных идей и принципов. Как справедливо замечает О.В. Мартышин, «лозунг безусловного приоритета прав личности характерен не для либерализма, а для либертариизма, под которым следует понимать политику, рассчитанную на максимальное свертыwanie социально-экономической деятельности государства... Принцип либерализма — не приоритет интересов личности, а гарантия прав и свобод человека, если они не противоречат благу общества» [Мартышин 2013: 41].

Таким образом, продуктивная интеграция либерализма в современное идеологическое пространство затрудняется не только его стереотипным восприятием в качестве индивидуалистических псевдоценностей, но и ассоциацией с универсальными этическими установками, которые в той или иной мере отражены в самых разнообразных политических доктринах и течениях общественной мысли. В этой ситуации крайне показательной является историческая типология либерализма, которая, с одной стороны, наглядно выявляет смысловое ядро этой идеологии, а с другой — демонстрирует основные

модели социальной и политико-правовой институционализации «либерального проекта».

Очевидно, что неизменное кредо либерализма сопряжено с ценностным императивом свободы и достоинства человеческой личности. Но в этом плане либерализм отнюдь не уникален. Гораздо важнее тот факт, что в качестве мировоззренческой системы либерализм связан с признанием безусловной значимости эмансипации человека и общества. В любую историческую эпоху эмансипация человека сопряжена с изменением его социального статуса и расширением возможностей для самореализации. Однако логика либерализма подразумевает, что в основе этого процесса лежит именно личностное развитие, рефлексивное осознание человеком собственного «Я» и практическая, т.е. рациональная, прагматичная и ответственная, готовность к формированию своего жизненного пространства («стремление выводить моральный долг из жизненно важных структур, найти истоки ответственности перед другими в глубине нас самих, за пределами исторических превратностей и случайностей социализации» [Рорти 1996: 47]). Соответственно, ценность свободы определяется не стремлением к автономии, а обретением возможностей для личностного самоопределения как социального «взросления» человека.

Историческую типологию либерализма можно рассматривать с двух точек зрения: с одной стороны, речь идет об основных этапах становления и развития этой идеологической системы, связанных с нею теоретических разработок и политических практик, а с другой — о моделировании той социальной организации общества, которая максимально способствует эмансипации человека. Второй ракурс более значим, поскольку именно он раскрывает логику преемственности и сосуществования «либеральных проектов». Основанием для такой типологической модели можно считать дихотомию «свободы от» и «свободы для», хрестоматийно описанную И. Берлином и Э. Фроммом.

Метафора «свобода от» характеризует классический либерализм, истоки которого следует искать в сформировавшейся еще в XVII в. теории естественного права, а пик политической активности — в событиях конца XVIII — первой четверти XIX в. В то же время концептуальная модель классического либерализма связана не только с конкретно-историческим контекстом, но и с самой ситуацией доминирующего воздействия на человека публичных институтов и институций, когда априорная социальная принадлежность предопределяет особенности жизненного пространства и личностного развития. Отсюда выдвижение идей ограниченного правления (включая принципы верховенства права, независимого правосудия, «сдержек и противовесов») и упование на «невидимую руку рынка», т.е. превращение конкуренции в своего рода фильтр естественных и эффективных форм «свободного» социального активизма. Элитарность же классического либерализма, его критическое отношение к «народной демократии» связаны с признанием неготовности и нежелания значительной части общества принять состязательный образ жизни. В итоге, классический либерализм формирует весьма хрупкую модель социальной организации общества, но становится заметным фактором разрывания модернизационных процессов.

«Неклассический» либерализм ориентирован на совершенно иное состояние общества, уже преодолевшего качественный рубеж модернизации и способного превратить эмансипацию человека в системное явление. При этом можно выделить две исторически преемственные, но существенно разные модели такого либерализма. Первой из них является социальный либера-

лизм, становление которого происходило во второй половине XIX в., а пик политических практик пришелся на конец XIX — первую половину XX в. Социальный либерализм предполагает не отказ от приоритетной роли свободного самовыражения человека и состязательного образа жизни, но необходимость стимулирования этих явлений и процессов, в т.ч. со стороны государства. Визитной карточкой социального либерализма являются реформы, связанные с кейнсианским регулированием экономики, антитрестовским законодательством, созданием систем общественного вспомоществования, социального страхования, бесплатного начального образования, расширением избирательного права, кампаниями против табакокурения и алкоголизма. Важно учесть, что такие меры подразумевают не достижение социальной справедливости в противовес конкурентным отношениям, а создание условий для все более массового и эффективного включения людей в «пространство свободы».

Схожую логику имеет и неолиберализм, возникший во второй половине XX в.¹ Однако эта идеологическая доктрина существенно меняет взгляд на методы и формы стимулирования эмансипации человека, а главное, предполагает не верховенство состязательного образа жизни, а необходимость эффективной организации «пространства свободы». Отсюда снижение роли собственно идеологического фактора и переход к технократическим стратегиям национального развития (например, программы «Новые рубежи» Дж. Кеннеди, «Великое общество» Л. Джонсона, «Сформированное общество» Л. Эрхарда, «Передовое либеральное общество» В. Жискара д'Эстена, «Новое общество» Ж. Шабан-Дельмаса). Примером принципиального отличия социального либерализма и неолиберализма является переход от кейнсианства, рассматривавшего государственное регулирование лишь как средство укрепления естественных форм рыночной конкуренции, к неокейнсианству, ориентированному на достижение устойчивого экономического роста под эгидой «государства всеобщего благосостояния» и с помощью системного макроэкономического регулирования.

Современный либерализм, который в историческом и доктринальном плане можно считать постнеклассическим, начал складываться с конца 1970-х гг. в условиях нарастающих противоречий неолиберальной модели. Неолиберализм превратил эмансипацию человека в систему управляемых, хотя и весьма доступных социальных лифтов (вплоть до таких искусственных форм, как практика «позитивной дискриминации» в США), а конкурентную экономику — в симбиоз государства и крупного корпоративного бизнеса. Временный триумф неокейнсианства дал толчок формированию общества потребления, в котором ценность свободы оказалась вытесненной стремлением к благополучию, социальной защищенности и безопасности. В этой ситуации либерализм потерпел поражение как политическая идеология, способная сформировать массовую социальную базу для продвигаемых ценностных дискурсов. Не случайно современный этап развития либеральной мысли начинается с постановки Д. Роулсом, Р. Дворкином, У. Кимликой, И. Берлином, Р. Рорти вопросов о справедливости и равенстве, а не главенстве свободы и конкуренции (что и формирует «развилку» между либерализ-

¹ Понятие «неолиберализм» носит собирательный характер и обозначает широкий спектр политических стратегий второй половины XX — начала XXI в., включая синтез либертарных и монетарных идей, составивший идеологическую основу «неоконсервативной революции» 1980-х гг. В данной статье неолиберализм рассматривается только в качестве разновидности либеральной идеологии.

мом и либертаризмом XXI в.). В значительной степени современный либерализм возвращается к классической парадигме естественного права человека на самоопределение, но прежде всего – в ценностно-мотивационном, рефлексивном, социально-коммуникативном ключе. Отсюда установка на толерантное отношение к инаковости, постмодернистское осмысление проблем идентичности и социального взаимодействия, акцентированное внимание к дискурсивным и игровым формам гражданского активизма, признание значимости коммуникативной демократии. Попытки же нарочитой политизации этих установок, стремление закрепить их в формате государственной политики или «беспорных» императивов «общечеловеческих ценностей» становятся риском, возрождающим противоречия неolibеральных проектов. Но и дистанцирование современного «интеллектуального» либерализма от пространства политического диалога является контрпродуктивной тенденцией.

Список литературы

Ковалева С.В., Мастеров Д.В. 2015. Либеральная идеология как деструктивный фактор социального развития. – *Евразийский союз ученых*. № 12-4. С. 73-77.

Мартышин О.В. 2013. Конституция и идеология. – *Государство и право*. № 12. С. 34-44.

Рорти Р. 1996. *Случайность, ирония и солидарность*. М.: Русское феноменологическое общество. 280 с.

Шапиро И. 1994. Введение в типологию либерализма. – *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 7-12.

PONOMAREV Michail Victorovich, *Cand.Sci. (Hist.)*, Chief Researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences; Professor of the Chair of Modern and Contemporary History of the Countries of Europe and America, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University (bld. 1, 1 Malaya Pirogovskaya St, Moscow, Russia, 119991; mvp2002@list.ru)

HISTORICAL TYPOLOGY OF LIBERALISM AND ITS ROLE IN THE IDEOLOGICAL SPACE OF MODERN SOCIETY

Abstract. In this article, the author examines the role of liberalism as one of the supporting elements of the ideological space that has lost its former political significance, but retains its importance in the context of discursive practices and value self-determination of modern man and society. According to the author, the historical typology of liberalism allows not only to overcome stereotyped ideas about its essence, but also to clearly distance modern liberalism from previous liberal projects with their characteristic contradictions and risks.

Keywords: ideology, classical liberalism, social liberalism, neoliberalism, modern liberalism